
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 6 (440). Экономические науки. Вып. 69. С. 7—16.

УДК 330.35
ББК 65.012.332

DOI 10.47475/1994-2796-2020-10601

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: О ЧЕМ СЕГОДНЯ ГОВОРЯТ РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Пожалуйста, найдите мне одноглазого экономиста. А то я только и слышу: «Если посмотреть с одной стороны...», «Если посмотреть с другой стороны...»

Герберт Гувер (1874—1964), президент США

Статья посвящена обзору публикаций экономистов — представителей науки (академиков РАН) и власти, — изданных за последние два-три года и посвященных проблеме экономического роста. Резюмированы положения, изложенные в трудах ученых, а также в некоторых докладах представителей власти. Установлено единство мнений в отношении значимости инвестиционной и инновационной активности для целей экономического роста. Кроме того, большинство экономистов сходятся во мнении по вопросу необходимости модернизации (лишь направления производств могут различаться) и переходу на новый технологический уровень развития, без которого в долгосрочной перспективе путь к процветанию однозначно закрыт.

Ключевые слова: *экономический рост, стагнация, инвестиции, инновации, человеческий капитал, макроэкономическая политика, денежно-кредитная политика, потенциал экономического роста.*

А. Г. Аганбегян
***О текущей ситуации,
причинах стагнации
и первичных драйверах экономического роста***

Оценивая социально-экономическую ситуацию страны, академик А. Г. Аганбегян говорит о затянувшейся стагнации. С 2013 г. налицо все тенденции, характеризующие стагнирующую экономику России. За шесть лет, в период с 2013 по 2018 г., на фоне крайне низкого прироста ВВП, на 2,6% за весь период, и столь же незначительного роста промышленности, на 3,6%, ужасающе выглядит падение реальных доходов населения на 6,9%, в то время как уровень потребительских цен вырос на 50,3%. Если же оценивать ВВП, доходы и сбережения населения по рыночному курсу доллара, то все эти показатели упали аж вдвое. В этом смысле Россия на мировой арене сильно теряет свои позиции [1].

В качестве фундаментальных драйверов академик называет два ключевых фактора: конечно, это инвестиции в основной и человеческий капитал, главным образом в сферу «экономика знаний».

По доле этих величин в объеме ВВП Россия на фоне других стран выглядит далеко не лучшим образом: в России суммарно эти вложения составляют около 34% ВВП против 56% в развитых странах, примерно 65% — в развивающихся. Для Китая, например, эта сумма составляет 67%. И если вложения в основные фонды еще можно сопоставить (20% в России, 21% в развитых странах, 30% в развивающихся), то вложения в человеческий капитал для российской экономики можно считать существенно меньшими (14%) в сравнении с другими странами (35% — в развитых; 20% — в развивающихся). Отсюда академик делает вполне обоснованный вывод: стагнация для России закономерна. Если и считать, что в 2015—2016 гг. экономика отыграла некоторые позиции, то вовсе не по причине ускоренных капитальных вложений или вложений в человеческий капитал, а лишь по причине благоприятной мировой конъюнктуры, как то цены на нефть. Поэтому в эти два года можно говорить о рецессии [1].

При очень неплохой динамике 2010—2012 гг. резко начиная с 2013 г., причем сразу с первого

квартала, экономика России начинает стремительно падать. И в качестве причины академик называет сокращающиеся объемы ввода основных фондов. Но в таком случае можно было бы ожидать снижения темпов роста, если бы не одновременное падение и инвестиций, — в итоге совместное действие двух факторов быстро дало столь негативный эффект. Анализ структуры инвестиций выявил рост лишь по показателю «частные инвестиции» (за период 2013—2015 гг. рост на 10%). Все остальные составляющие — и государственные инвестиции, инвестиции крупных государственных корпораций, и инвестиции в консолидированном бюджете, и инвестиционный кредит — сократились, притом существенно (падение составило 22—30% в зависимости от конкретной составляющей). Здесь академик не видит никакого злого умысла — никто не планировал осознанного сокращения инвестиций, однако одновременное падение, притом резкое, сделало свое дело.

Относительно инвестиций в человеческий капитал — здесь А. Г. Аганбегян говорит о главной негативной тенденции, причем таковая имеет место с 2008 г., — это сокращение расходов на образование. И такая тенденция продолжается, став уже трендом, а потому нереально даже думать об экономическом росте, когда главным его драйвером и должны служить вложения в образование. Продолжая идею социальной сферы, академик говорит и о катастрофически низком уровне затрат на сферу здравоохранения. И, как следствие, мы видим невысокую продолжительность жизни, во всяком случае в сравнении с развитыми странами. Если бы для сегодняшней России была характерна стадия кризиса, а он длится куда меньший срок, нежели стагнация, то преодолеть его было бы легче. И те тренды, которые тянут страну вниз, вовсе не позволяют выйти на траекторию экономического роста. И здесь академик обращается к проблеме оттока капитала, который стал уже постоянной тенденцией — с 2008 г.

Падение реальных доходов населения логичным образом приводит к падению платежеспособного спроса — и такая тенденция характерна для нашей страны уже шесть лет (речь идет о периоде 2013—2018 гг.). И, как следствие падает розничный оборот и ввод жилья (2016—2018). Но не только экономические, и демографические показатели также негативно отражаются на экономическом росте — точнее, проявляются в его отсутствии. Падение рождаемости приводит к нехватке рабочей силы.

О новых источниках экономического роста

Говоря о путях преодоления стагнации, академик обращается к опыту президента Р. Рейгана, который благодаря снижению налогов, даже для богатого населения, создал тем самым благоприятные условия для инвестирования. Здесь А. Г. Аганбегян говорит о том, что российская налоговая система формировалась во времена высоких цен на энергоресурсы. Сейчас же действующая налоговая система не является адекватной новым реалиям. Поднять же реальные доходы населения можно путем перехода к дефицитному бюджету — на уровне 2—3% ВВП, что вполне безопасно, по европейским меркам. Причем дефицит бюджета вполне выгоден стране — и не только по причине того, что таковой может выступать источником дополнительного финансирования. Также это и эмиссия долгосрочных ценных бумаг, которые так нужны для формирования неспекулятивной природы российского рынка ценных бумаг. И, кроме того, долгосрочные государственные ценные бумаги могут стать источником низкопроцентных банковских инвестиционных фондов [1; 2].

Ключевым источником инвестиций академик называет банковские финансы. Мы недооцениваем роль банковского сектора с точки зрения высокой консолидации в нем финансовых ресурсов. На долю инвестиционного кредита из всей величины банковских активов приходится лишь 1,6%. В принципе на долю инвестиционного кредита в основной капитал в России приходится лишь 8% среди всех инвестиций, когда в странах Запада и Америки такая цифра находится на уровне 40—50%. Направлять деньги банков нужно в первую очередь на вложения в высокотехнологичные сферы. Кроме того, средства банков очень нужны для инвестирования в образование. Низкопроцентные кредиты позволят задать хороший импульс в сторону роста стимулов населения к своему образованию. А это и есть не что иное, как реализация указа президента в отношении создания высокопроизводительных и высокообразовательных рабочих мест [Там же].

Вторым источником инвестиционного роста академик называет золотовалютные резервы. Из 500 млрд руб. таковых можно по меньшей мере 200 млрд руб. направить на технологическое обновление действующих производств, тогда оставшихся средств будет вполне достаточно для обеспечения безопасности страны.

Средства предприятий — еще один источник инвестиционного роста. Сегодня около половины инвестиций происходит из прибыли, в то время как таковая еще и облагается немалым налогом. Здесь академик предлагает отказаться от налогообложения части прибыли, направляемой на технологическое перевооружение. Четвертым источником академик называет средства от приватизации крупных государственных корпораций. И здесь он акцентирует внимание на опыте Москвы, когда приватизация аэропорта Внуково и Банка Москвы дали хорошую выгоду. Пятым источником являются средства населения. Здесь можно сформировать взаимовыгодное партнерство государства и населения — например, в сфере жилищного строительства и производства легковых автомобилей.

И еще одним источником — можно сказать, источником особой значимости — академик называет внешний государственный долг. Сейчас внешний долг составляет 33 % ВВП, когда в странах Европы он находится на уровне 80 % ВВП, а в Китае и Японии вовсе 200—250 %.

О направлениях инвестирования

Теперь речь пойдет о том, куда направлять изысканные средства с тем, чтобы достичь этого самого экономического роста. Для перехода на качественно новую технологическую ступень нужно направлять средства в первую очередь на техническое перевооружение энергетики, машиностроения, химической, легкой промышленности, сельского хозяйства, сферы ЖКХ, здравоохранения. Производительность труда нужно повышать не просто воздействуя на качество человеческого капитала, но и на производительность основных фондов. Во-вторых, нужно в разы (сначала в два, затем и в три) увеличивать долю высокотехнологичных отраслей в ВВП. В-третьих, нужно радикально совершенствовать транспортно-логистическую инфраструктуру. В-четвертых, наращивать объемы жилищного строительства — и наращивать его в сторону и комфорта. Конечно, нужно финансировать сферу «экономики знаний».

С. Ю. Глазьев

Академик РАН С. Ю. Глазьев открыто винит Центральный Банк в создании условий, в явном виде препятствующих экономическому росту. Повышение ключевой ставки на уровень выше рентабельности многих производств загнало страну в стагфляционную ловушку [3]. С. Ю. Глазьев говорит о том, что для достижения задач, поставленных президентом, нужно выходить на путь но-

вой индустриализации, модернизации. Для перехода на новый технологический уклад необходима качественная, скоординированная система мер по макроэкономической стабилизации. И здесь следует учитывать систему длинных волн, характерных для мировой экономики. В момент глобальных изменений, в периоды перехода экономик на новый технологический уклад становится возможным тот самый опережающий прорыв, которого так требует президент.

Критикуя отношение монетаристов к возможностям экономического роста, академик показывает свой вполне оптимистичный настрой: достичь темпов экономического роста на уровне выше среднемировых вполне можно. Резервы, что есть у страны, вполне могут быть ориентированы на это. Здесь академик акцентирует внимание на имеющемся у страны производственном, человеческом и научно-технологическом потенциале, который совершенно точно может дать как минимум 8 % ежегодного экономического роста. И, как и А. Г. Аганбегян, С. Ю. Глазьев опять же обращается к инвестициям: заявленный 8%-ный рост возможен при росте инвестиционных вложений в освоение новых технологий на уровне не менее 15 %.

Академик совершенно не предлагает забывать о таргетировании инфляции, но в очередной раз критикуя действия ЦБ, он говорит о необходимой расстановке приоритетов, ключевым из которых должен стать экономический рост. А сдерживать инфляцию нужно научиться не просто силами решений ЦБ, но и формированием целого комплекса мер по ценообразованию, валютному и банковскому регулированию, мер по развитию конкурентной среды и сдерживанию власти монополий. А сдерживание инфляции в конечном итоге должно быть обеспечено естественным путем — путем снижения издержек, ставшего результатом научно-технического прогресса [3].

Сегодня наступило то время, когда нужно прийти к системному стратегическому планированию социально-экономического роста. Требуются индикативные планы — оценка деятельности правительства, министерств, крупных государственных корпораций должна даваться по критерию роста инвестиций в подведомственные им отрасли. Необходимы эффективно функционирующие механизмы частно-государственного партнерства. Банковская система должна быть заточена под кредитование инвестиционных проектов по модернизации ключевых отраслей экономики. На государственные банки нужно обратить особое

внимание — и оценку их деятельности опять же давать с позиции реализации блага в виде доступного инвестиционного кредита. И, что самое важное, это координация. Деятельность всех упомянутых субъектов должна быть приведена в соответствие с задачами по подъему инвестиционной и инновационной активности [3].

Сравнивая темпы экономического роста России и Китая, академик в явной форме высмеивает доклады правительства о проделанной работе. Правительство должно знакомить нас с достижениями, согласованными с целями президента, — а вместо этого правительство рапортует о некой «новой реальности», вследствие которой достичь этих целей не представляется возможным [4]. Академик С. Ю. Глазьев считает это явным оправданием — не больше. Если проводить сравнительный анализ экономик стран, то подъем таковых в XX в. был достигнут резким ростом внутренних инвестиций. А задача по достижению в нашей стране нормы накопления в 27% так и не выполнена. В Китае же — для сравнения — эта величина находится на уровне 45% [Там же].

Закон о стратегическом планировании принят — и это положительный сдвиг. Однако реализация такового станет эффективной, только если в стране «заработает» кредит. Нужно создавать целевые механизмы кредитования, которые должны строго соотноситься с задачами экономического роста. Однако наш ЦБ не то что не дает деньги экономике, он только сам занимает их.

В. В. Ивантер

Академик РАН В. В. Ивантер согласен и с двумя выше упомянутыми академиками в вопросе того, что Россия вошла в период стагнации. Та стабилизация, которая была достигнута — низкие темпы инфляции, накопление золотовалютных резервов, сокращение внешнего государственного долга, достижение бездефицитного бюджета — эти, казалось бы, положительные результаты оказались в некотором противоречии с экономическим ростом [6]. Продолжение такого сценария достаточно скоро приведет к отставанию России по части среднелюдского номинального ВВП от Китая, Индии и Турции.

Относительно значимости инвестиций для экономического роста — здесь все академики солидарны друг с другом. В. В. Ивантер же акцентирует внимание на том, что в стране уже есть колоссальный потенциал производственных мощностей, но они попросту не используются. Загруженность

производственных мощностей сегодня находится на уровне 75—85% — и такая цифра является максимальной — она характерна лишь для топливной промышленности. Для прочих отраслей национальной экономики загруженность и вовсе ниже 65% [6].

В качестве второго источника экономического роста В. В. Ивантер называет потенциал роста интенсивности использования человеческих ресурсов. Около 20% занятых трудоустроены не на полный рабочий день; примерно 25% заняты низкоквалифицированным трудом. Эти ресурсы легко можно высвободить по результатам модернизации основного капитала [6; 8].

Третьим источником экономического роста являются финансовые ресурсы, резервы которых также не исчерпаны. Академик дает следующую оценку: по состоянию на 2018 г. в финансовой системе накоплено около 10% избыточных финансовых ресурсов. Избыточных — не в смысле, что они не нужны, а именно в том смысле, что они не используются для достижения экономического роста.

В. В. Ивантер говорит и о нереализованном потребительском спросе. В отношении товаров длительного пользования объем нереализованного спроса сопоставим с 2—3 годовыми объемами выпуска таких товаров. Этот нереализованный спрос и не запускает механизм полной загрузки мощностей. Называя факторы сдерживания экономического роста, академик помимо конечного спроса указывает и на технологическую отсталость производств, которая характерна далеко не для отдельных отраслей, а именно для массы. Здесь академик явно критикует бюджетную политику государства, указывая на невозможность полностью задействовать потенциал экономического роста в условиях расходования бюджетных средств под национальные проекты. Изменение структуры бюджетных расходов не сопровождалось ростом таковых — именно в этом проблема. Бюджетные инвестиции в рамках национальных проектов дадут лишь 0,3—0,4 процентных пункта к экономическому росту [6]. Поэтому раз бизнес не готов вкладывать средства в стагнирующую экономику и нет у нас нормы накопления в 25—27% ВВП, то инициатива по достижению экономического роста должна лечь на плечи государства, которое должно инвестировать средства в модернизацию инфраструктуры. Говоря о факторах роста со стороны спроса и со стороны предложения, академик дает следующую оценку. Со стороны факторов спроса 2,6% — валовое накопление, 1,1% — по-

требление домашних хозяйств, 0,8% чистый экспорт, 0,3% государственные расходы. Со стороны факторов предложения: 1,5% экономическая инерция, 1,0% развитие инфраструктуры, по 0,8% ввод жилья и модернизация машиностроения и 0,7% эффективность экспорта [7]. Общая сумма экономического роста составит 4,8% — а это вполне соотносится с поставленными президентом задачами — в 1,5 раза к 2024—2025 гг. увеличить ВВП.

В. В. Ивантер говорит о том, что если денежно-кредитная политика и финансовая политика у нас вполне определены, то экономическая политика является размытой. Тем временем и монетарная, и финансовая политика не являются самостоятельными — они должны быть согласованы с целями экономической политики. А потому для достижения цели экономического роста должна быть сформулирована целенаправленная экономическая политика, сейчас же она, скорее, латентная [9]. В связи с этим академик выдвигает следующие требования к экономической политике. Во-первых, это соответствие принципу цельности, системности: цели развития, ресурсы, программы развития, сектора экономики и региональные аспекты — все должно быть синхронизировано и согласовано. Во-вторых, нельзя забывать о принципе учета ресурсно-технологической неоднородности российской экономики. В-третьих, должен быть реализован принцип приоритетности — выбор конкретных точек роста позволит сосредоточить ресурсы, а не распылять их. И, наконец, все виды политики — будь то денежно-финансовая, фискальная, политика институциональных преобразований — должны быть включены в единый контур экономической политики, нацеленной на экономический рост и научно-технологическую модернизацию [8].

**А. Л. Кудрин, Г. И. Идрисов, В. Н. Княгинин,
Е. С. Рожкова, А. Ю. Кнобель**

С необходимостью выйти на новый технологический уровень солидарен и авторский коллектив в лице А. Л. Кудрина, Г. И. Идрисова, В. Н. Княгинина, Е. С. Рожковой. Говоря о снижении темпов роста производительности труда и основного капитала, авторы делают акцент на особенностях российской экономики в отношении производительности. Рост производительности труда для России нужен не только с целью достижения экономического роста как такового, а и для цели ликвидации отставания страны от ряда других стран, и уже последующего опережения [5]. Авторы говорят о низком уровне инновационного потен-

циала, недостаточной результативности научно-технологической деятельности, невысоких результатах в области цифровизации и платформизации.

Если говорить о создании нормативно-правового поля, здесь Россия уже лет десять идет по пути формирования системы регулирования инновационной, научно-технологической деятельности. Была создана система финансирования инновационных проектов под эгидой государственных и федеральных целевых программ. Технологической перезагрузке страны помогают и программы инновационного развития, в которых принимают участие государственные корпорации и корпорации с государственным участием. В 2016 г. расходы по реализации таких программ достигли значения 1,35 трлн руб, что составляло около 1,7% ВВП [5]. По оценкам авторского коллектива, затраты на технологические инновации промышленности за период 2010—2015 гг. выросли в 26 раз. Эти государственные меры создали некое «окно возможностей» для страны — возможностей занять лидирующие позиции по ряду технологических направлений на мировой арене. Однако вопрос эффективности реализованных мер остается открытым. И здесь авторы говорят о высокой зависимости инициатив от бюджетного финансирования. Быстрая коммерциализация решений — вот чего сегодня требует любая инициатива. А в условиях ограниченности средств и ненацеленности бюджетных институтов на технологическое развитие эффективность применяемых инструментов становится ограниченной.

Авторы констатируют запоздание вовлечения России в новую технологическую революцию. Они дают следующую оценку: для достижения к 2024 году темпов экономического роста на уровне 4% нужно добавить в экономику порядка 4,6 млн занятых и 40 трлн руб. инвестиций в основной капитал сверх инерционного сценария развития. России следует инициировать собственную технологическую революцию к 2024 г. А для этого нужно запустить в реализацию систему мер, включающую модернизацию традиционных секторов, форсировать масштаб передовых высокотехнологичных отраслей и рынков — чтобы достичь уровня в 10% ВВП (сегодня это 1%), приоритетным сделать направление цифровизации, сформировать эффективно действующие институты развития и поддержки технологического предпринимательства, сохранять и совершенствовать научную базу [Там же].

Отдельное исследование А. Л. Кудрина и А. Ю. Кнобеля посвящено влиянию бюджетной политики на экономический рост [10]. Экономисты

исследуют влияние структуры государственных расходов на возможный экономический рост страны. В структуре расходов бюджета расширенного правительства авторы выделяют производительные расходы и непроизводительные. К первой категории отнесены расходы на инвестиции в человеческий капитал, как то: расходы на образование, здравоохранение и спорт, дорожную инфраструктуру и транспорт. Ко второй категории относятся так называемые «силовые статьи бюджета» — расходы на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность. Математический расчет в отношении оценки мультипликаторов бюджетных расходов дал результат: силовая категория расходов имеет меньший мультипликативный эффект для темпов экономического роста [10].

**В. В. Кулешов, А. В. Алексеев,
М. А. Ягольницер**

Научный труд академика РАН В. В. Кулешова и его соавторов посвящен когнитивному моделированию с выделением двух ключевых блоков российской экономики — сырьевого и аграрного. Как и все выше рассмотренные экономисты, В. В. Кулешов, А. В. Алексеев, М. А. Ягольницер солидарны с тем, что сегодня российская экономика находится в стадии стагнации, а также с тем, что сложившаяся денежно-кредитная политика никак не нацелена на экономический рост.

Авторы разработали матрицу сценариев развития социально-экономической системы. Результатом имитационного моделирования стали пять сценариев [11]. Для Сценария 1 характерен относительно устойчивый — в 1,5% — рост добывающей промышленности. Валютный курс в этом сценарии стабилен. Монетарная политика не направлена на инновационный рост и активизацию промышленной политики. Темп роста аграрного сектора составляет 2,5%. Обрабатывающая промышленность растет лишь на 0,3%, сектор услуг — на 0,7%. По результатам реализации Сценария 1 экономический рост будет достигнут на уровне 1,5%.

Согласно Сценарию 2 сырьевой сектор растет вдвое быстрее — доходы удваиваются в сравнении с первым сценарием. Цены на нефть растут на 10%. Слабеет поддержка других секторов экономики. Тогда экономический рост составит около 2%.

Согласно Сценарию 3 сырьевой сектор развивается в неблагоприятных условиях: цены на нефть падают на 10%, тогда и темпы роста экономики падают на треть.

Сценарий 4 является оптимистичным — причем несырьевым. Несмотря на падение нефтяных цен растет инновационная активность обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и сектора услуг. Монетарная политика является стимулирующей — ключевая ставка падает на 0,5%, эмиссия денег растет на 0,5%. Экономический рост в этом случае превысит 3,5% в год. Но такой рост становится возможным лишь в условиях активизации промышленной политики, проведения институциональных реформ, роста качества человеческого капитала, инфраструктурных преобразований в экономике.

И, наконец, Сценарий 5 — согласно нему все отрасли экономики растут. Это самый оптимистичный сценарий. Ко всем оптимистичным тенденциям Сценария 4 вдобавок растут и цены на нефть. И тогда экономический рост составит 5% в год.

Д. А. Медведев

На выступлении на X Гайдаровском форуме «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды» Д. А. Медведев произнес речь, которая впоследствии была опубликована [12]. Особой концепции развития России, концепции достижения экономического роста, озвучено не было. Председатель правительства, коим Д. А. Медведев был на тот момент, точно озвучил вызовы, глобальные изменения и некоторые национальные тенденции и проблемы. Он озвучил и высокий уровень неопределенности, характерный сегодня для всех сторон общественной жизни, и ускорение и рост масштабов цифровизации, которая несет в себе не только возможности, но и риски, и необходимость постоянной модернизации инфраструктуры ввиду этой самой цифровизации. Не забыл отметить, что цифровизация и модернизация — это дорого, но нужно. Несколько особняком задел экологические проблемы. Упомянул и о социальном неравенстве. В качестве вызовов определил и несправедливость распределения выгод от развития глобальной экономики и расширения международной торговли, и диспропорцию между растущим весом развивающихся стран и их участием в определении правил международной торговли. Озвучил тупиковое состояние статистики, указав на вопрос нужности или ненужности подсчета ВВП. И, конечно, затронул проблему регуляторов. Напомнил, что российская стратегия на среднесрочную перспективу сформулирована в Указе Президента от 7 мая 2018 г., а тактические

меры — в Основных направлениях деятельности Правительства, принятые на шестилетний период.

Д. А. Медведев указал на то, что нужно ставить конкретные целевые ориентиры, использовать проектный подход, ориентироваться на кадровое и ресурсное обеспечение. Отрапортовал, что правительство «четко структурирует работу по достижению национальных целей развития, стремится не только использовать свои традиционные преимущества, но и трансформировать глобальные вызовы в новые источники роста» [12].

Говоря о вызовах, он называет необходимость развития инфраструктуры. И здесь он сосредоточивает свое внимание на развитии магистральной инфраструктуры: на реализацию этого проекта до конца 2024 г. запланированы расходы в объеме 6 трлн руб. И это в том числе и внебюджетные инвестиции. Он сделал акцент на активизации частных инвестиций, однако, как мы видим по оценкам академиков, только частные инвестиции сегодня не могут дать сильного эффекта для экономического роста. Далее, развивая начатую мысль, он переходит к необходимости пересмотра нормативных актов, разработанных еще в советские времена и сегодня не отвечающих требованиям действительности. В этом плане нужно снизить регулятивную и надзорную нагрузку на предпринимательский сектор с целью активизации частных инвестиций.

Вторым вызовом Д. А. Медведев определяет промышленную революцию и развитие цифровых технологий. И здесь он говорит о том, что, с одной стороны, мы неплохо смотримся на фоне ряда стран, но с другой — «цифровой разрыв» велик, особенно в отношении развития по отраслям и регионам.

Отдельной проблемой Д. А. Медведев назвал дефицит компетенций в государственном аппарате. Третий вызов — кардинальная трансформация рынка труда и риски в отношении роста безработицы занятых низкоквалифицированным трудом.

Вопреки трудам академиков, оперирующих статистическими показателями и фактами, Д. А. Медведев отмечает, что к 2017—2018 гг. экономика страны вошла в положительную фазу делового цикла и произошла некая адаптация к возникшим ранее шокам [13]. Все те результаты, которые академики не ставят в достижения, Д. А. Медведев назвал таковыми: это и макроэкономическая стабилизация, смягчение финансовых проблем, недопущение роста долговой зависимости, избежание кризиса банковской системы. Особо он выделил достижение устойчивости государственных ин-

ститутов, благодаря которому страна избежала политического кризиса.

Д. А. Некипелов

Академик РАН Д. А. Некипелов поддерживает позицию А. Г. Аганбегяна в отношении излишнего объема золотовалютных резервов, часть которого смело можно было использовать на нужды экономического роста. Анализируя тренды доходов бюджета, академик ссылается на 2011—2014 гг., когда отклонения были максимальны и составляли 130 млрд долл. А значит, оставить резервы на уровне 200—250 млрд долл. — это вполне рациональное решение. Вторую же половину или даже большую часть накопленных резервов можно и нужно использовать [14]. С другой стороны, Д. А. Некипелов находится в некоторой оппозиции по отношению к высказываниям С. Ю. Глазьева о низком уровне монетизации экономики. Д. А. Некипелов констатирует, что уровень монетизации экономики в нашей стране постоянно растет. Во-вторых, рост монетизации не должен быть искусственным, а должен стать исключительно итогом рыночных взаимодействий, а именно результатом роста спроса экономических агентов на ликвидность. И, в-третьих, не будет эффективным решение о смягчении денежной политики в условиях, когда существует профицит ликвидности в банковском секторе и когда в реальном секторе экономики накоплены существенные денежные средства, которые экономические агенты не стремятся трансформировать в инвестиции. И такое поведение является вполне рациональным — ввиду того, что крайне сложно сегодня найти такие сферы инвестирования, которые относительно быстро дали бы процент, выше среднего рыночного безрискового.

Б. Н. Порфирьев

Академик РАН Б. Н. Порфирьев также солидарен с вышеупомянутыми академиками и определяет состояние нашей страны как затянувшуюся стагнацию. Б. Н. Порфирьев, как и А. Г. Аганбегян, указывает на невозможность легкого и быстрого выхода экономики из состояния стагнации. Стагнация не кризис, и выйти из нее куда сложнее. По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, при сохранении сложившихся трендов — а именно при тех же вложениях в основной и человеческий капитал — экономический рост ограничен 2 % в год [15]. При таком сценарии Россия к 2024 г. займет лишь седьмое место в списке ведущих экономик мира, пропустив вперед Индонезию.

В то же время, как и В. В. Ивантер, Б. Н. Порфирьев говорит о наличии неплохого потенциала роста в период 2019—2025 гг. Он приводит цифру на уровне 4%. И такой рост вполне отвечает и задачам, поставленным президентом РФ, и, более того, перестанут быть актуальными финансовые санкции против России. Говоря об инвестициях в технологическое перевооружение производств как о резерве экономического роста, академик называет два направления инвестирования. Первое — это модернизация обрабатывающих производств, что, в свою очередь, повысит производительность труда. В обрабатывающей промышленности около 22% занятых — это работники низкой квалификации, низкоинтенсивного труда и, как следствие, низкооплачиваемые. И второе направление — модернизация топливно-энергетического комплекса. Именно этот комплекс выступает потребителем высокотехнологичной продукции. И не стоит забывать о нем как об источнике доходов от экспорта углеводородов, спрос на которые не будет падать в течение ближайших 10 или даже 15 лет. Кроме того, Б. Н. Порфирьев называет ТЭК ключевым источником финансирования проектов в области импортозамещения.

Как и многие вышеупомянутые экономисты, Б. Н. Порфирьев указывает на невозможность технологического перевооружения без инвес-

тиций в фундаментальную и прикладную науку. И, наконец, поддерживая С. Ю. Глазьева, Б. Н. Порфирьев также подчеркивает необходимость удешевления стоимости кредита, для чего предлагает снизить ключевую ставку до уровня в 4%. Он также предлагает как можно шире использовать институт проектного финансирования. Эти инвестиционные проекты и должны стать частью национальных проектов. Он акцентирует внимание и на вкладе регионов в экономический рост, говоря о невозможности превысить 2%-ный темп без формирования точек роста в традиционных промышленных регионах — на Урале, в Поволжье, Сибири.

***

Обзор трудов, опубликованных в последние три года, дал понимание настроения экономистов в отношении потенциала экономического роста. С одной стороны, мы видим некое единство мнений по поводу невозможности достижения экономического роста в среднесрочной и уж тем более в долгосрочной перспективе, без запуска нормального, качественного, эффективно действующего инвестиционного и инновационного механизма. С другой стороны, инструменты, при помощи которых следует добиваться этого роста, могут различаться.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. О драйверах социально-экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 180—209.
2. Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 3—15.
3. Глазьев С. Ю. О приведении макроэкономической политики в соответствие с целями развития страны, поставленными президентом России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221, № 1. С. 69—78.
4. Глазьев С. Ю. Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную президентом России задачу рывка в экономическом развитии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 124—132.
5. Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5—25.
6. Ивантер В. В. Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 5—11.
7. Ивантер В. В. Потенциал экономического роста в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 70—80.
8. Ивантер В. В., Говтвань О. Дж., Гусев М. С., Ксенофонтов М. Ю., Кувалин Д. Б., Моисеев А. К., Порфирьев Б. Н., Семикашев В. В., Узяков М. Н., Широков А. А. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 3—9.

9. Ивантер В. В. Странности российского экономического развития и способы повышения темпов экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 214, № 6. С. 234—248.

10. Кудрин А. Л., Кнобель А. Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5—26.

11. Кулешов В. В., Алексеев А. В., Ягольницер М. А. Оценка роли природных ресурсов в обеспечении экономического роста страны: когнитивный анализ и принятие решений // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2018. Т. 1, № 3. С. 297—307.

12. Медведев Д. А. Выступление на пленарной дискуссии X Гайдаровского форума «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды» // Государственная служба. 2019. Т. 21, № 1 (117). С. 6—9.

13. Медведев Д. А. Россия-2024: стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5—28.

14. Некипелов А. Д. Некоторые соображения о возможностях ускорения роста российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 214, № 6. С. 370—379.

15. Порфирьев Б. Н. Перспективы экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221, № 1. С. 83—91.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 6 (440). Economic Sciences. Iss. 69. Pp. 7—16.

ECONOMIC GROWTH: WHAT RUSSIAN ECONOMISTS ARE TALKING ABOUT

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

In the article, the author shows the views of economists, published during the last two-three years and devoted to the economic growth problem. The author summarizes the provisions stated in works of scientists and authorities. The author shows unity of opinions concerning the importance of investment and innovative activity for economic growth. Besides, most of economists agree in opinion on a question of modernization (only the directions of productions can differ) and to transition to the new technological level of development without which the way to prosperity is closed in the long term.

Keywords: *economic growth, stagnation, investment, innovation, human capital, macroeconomic policy, monetary policy, and economic growth potential.*

References

1. Aganbegian A. G. (2019) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 218, no. 4, pp. 180—209 [in Russ.].
2. Aganbegian A. G. (2019) *Problemy prognozirovaniya*, no. 1 (172), pp. 3—15 [in Russ.].
3. Glazyev S. Y. (2020) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 221, no. 1, pp. 67—78 [in Russ.].
4. Glazyev S. Y. (2019) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 218, no. 4, pp. 124—132 [in Russ.].
5. Idrisov G. I., Knyaginina V. N. [et al.]. (2018) *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 5—25 [in Russ.].

6. Ivanter V. V. (2019) *Obshchestvo i ekonomika*, no. 7, pp. 5—11 [in Russ.].
7. Ivanter V. V. (2019) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 218, no. 4, pp. 70—80 [in Russ.].
8. Ivanter V. V., Govtvan O. D. [et al.]. (2018) *Problemy prognozirovaniya*, no. 1 (166), pp. 3—9 [in Russ.].
9. Ivanter V. V. (2019) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 214, no. 6, pp. 234—248 [in Russ.].
10. Kudrin A. L., Knobel A. Y. (2017) *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 5—26 [in Russ.].
11. Kuleshov V. V., Alekseev A. A. (2018) *Interjekspo Geo-Sibir'*, vol. 1, no. 3, pp. 297—307 [in Russ.].
12. Medvedev D. A. (2019) *Gosudarstvennaja sluzhba*, vol. 1, no. 1 (117), pp. 6—9 [in Russ.].
13. Medvedev D. A. (2018) *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 5—28 [in Russ.].
14. Nekipelov A. D. (2018) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 214, no. 6, pp. 370—379 [in Russ.].
15. Porfiriev B. N. (2020) *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 221, no. 1, pp. 83—91 (In Russ.).